

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия**Институт философии, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, руководитель Центра медиафилософии
Член Международного союза историков искусств и художественных критиков (АИС), доктор философских наук**St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia**Institute of Philosophy, Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics,
Head of Center of Mediaphilosophy, a Member of the International Union of Art Historians and Art Critics (AIS),**Doctor of Sciences in Philosophy**savcuk.valeri@gmail.com***ЖЕРТВА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ***

Жертва – условие культуры. Однако сегодня, с одной стороны, нельзя игнорировать вопрос теоретиков: есть ли жертва в настоящем времени? С другой – нельзя не обратить внимание на феномен «битвы за жертву», ведущейся различными странами, обществами, социальными группами, индивидами. К этому добавим частотность слова «жертва» в массмедиа. Путь к осмысленному пониманию жертвы – одна из важнейших задач современности. Осмысленность жертвы противоречит традиции считать ее следствием несчастного случая. Прагматизм и рассудочность является преградой постижения символического содержания жертвы. Жертва, если она настоящая, всегда символична.

Ключевые слова: жертва, жертвоприношение, культура, случайность, символ.

THE VICTIM OF THE PRESENT TIME

Sacrifice is a condition of culture. However, today, on the one hand, one can not ignore the question of theorists: is there a sacrifice in the present tense? On the other hand, one can not but pay attention to the phenomenon of the «battle for sacrifice», conducted by various countries, societies, social groups, individuals. Add to this the frequency of the word «victim» in the media. The path to a meaningful understanding of the victim is one of the most important tasks of our time. The meaningfulness of the victim contradicts the tradition of considering it a consequence of an accident. Pragmatism and rationality is an obstacle to understanding the symbolic content of the victim. A victim if she is real is always symbolic.

Key words: sacrifice, sacrifice, culture, chance, symbol.

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РНФ 16-18-10162 «Новый тип рациональности в эпоху медийного поворота», СПбГУ. Статья подготовлена на основании доклада, сделанного на Всероссийской конференции с иностранным участием «Антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам» (12-14 октября 2017, Самарская гуманитарная академия), конференция проводилась при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-14065.

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

В философии не принято
говорить о жертве.

А. Ф. Лосев

Эти слова А. Ф. Лосева, написанные им в 1941 г., и приведенные мной в 1995 году¹, не утратили актуальности по сей день. Спросим себя, возможна ли жертва в наши дни? Для многих она осталась лишь в прошлом. Так, если мы вслед за Марселем Энафом поставим себе задачу не выслеживать скрытые формы жертвоприношения «под рубищем современности», – массивно вскрывая и осмысливая архаическое, притаившееся под современным, – но выяснить, каким образом выполняются ныне многообразные функции, которые заключал в себе жертвенный обряд (нам, современным людям, следует говорить о нем именно в прошедшем времени)². Последнее важно, ибо нам со всей серьезностью следует заострить поставленный выше вопрос следующими вопрошаниями: осталась ли жертва только в прошлом? Возможна ли она сейчас? Или, что является едва ли не более трудной задачей, сохранился ли жертвенный ритуал в настоящем времени? Если да, то каковы его формы?

Во-первых, вопреки убеждению, что жертва осталась в прошедшем времени, обратим внимание на частотность звучания в массмедиа слова «жертва»: жертва террористического акта, жертва катастрофы, жертва несчастного случая, жертвы обмана, невинные жертвы и т.д. Имеет ли это отношение к подлинной жертве, к жертве соответствующей своему понятию. Она лишена своего важнейшего качества – добровольности и невинности. Во-вторых, жертву можно распознать там, где слово «жертва» не произносится, а звучат словосочетания «несчастный случай», «трагическое стечение

обстоятельств», «человеческий фактор», «усталость металла» и т.п., подменяя жертву статистической «несчастных случаев»? К списку эвфемизмов жертвы следует добавить «трагедию» или как вариант «чудовищную трагедию». В СМИ слово «трагедия» звучит столь же часто, сколь далеко оно от подлинной трагедии. По поводу девальвации понятия «трагедия» едко и иронично выразился Герман Гессе в 1932 году, устами одного из своих персонажей наборщика Иоганнеса: «Итак, каждый сбитый велосипедист, каждый обожженный у плиты ребенок, каждый случай падения сборщика вишен с лестницы обозначается с помощью опошленной «трагедии»... Я совсем не преувеличиваю, если говорю: каждая попавшая под колёса курица становится для репортёра долгожданным поводом употребить все это сакраментальное слово»³.

Итак, выяснению присутствия жертвы в современности препятствует два разнонаправленных процесса, с одной стороны, забвение сущности жертвы в культуре, подмена ее всевозможного рода эвфемизмами, техническими терминами, синонимами, а с другой – заурядная из-за своей частоты квалификация тех или иных катастроф, стихийных бедствий, несчастных случаев, обманутых дольщиков как жертв, ведет к обесцениванию понятия «жертва». И все же, хитрость мирового разума обратившаяся казусом истории, преломляется в отношении жертвы следующим парадоксом: жертва всегда возвращается в *неузнанном* виде, поскольку нынешний ее смысл противоположен изначальному. Как, например: «Свободное жертвоприношение стало омерзительным идолопоклонством»⁴ – выра-

³ Гессе Г. Паломничество в страну Востока. Повесть. Рассказы. СПб.: Амфора, 1999. С. 269.

⁴ Волхонский А. Лоза виноградная // И после авангарда – авангард. Белград. / Редактор-составитель Корнелия Ичин, Изд-во филологического факультета, 2017. С. 325. Ср. точку зрения Алена Бадью, полагавшего, что симптомом кризиса является возвращение старых традиций и мертвых богов, примером каковых являлись религиозные жертвоприношения и кровавый фанатизм (Бадью А.

¹ Савчук В.В. Кровь и культура. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1995.

² Цит. по: Зенкин С. Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2012. С. 469.

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

зил предубеждения нашего времени поэт Анри Волхонский.

Жертва — исток культуры

Мы никогда не поймем гигантскую архитектуру соборов и пирамид, если не признаем их за жертву, которую юная душа приносит чуждым силам.

О. Шпенглер

Жертва стоит у истоков любой культуры и играет в жизни древних важную роль. Так было, например, в жизни древнего индийца: «Человек стал воспринимать и осмысливать себя в категориях ритуального мира, точнее, его стержня – жертвоприношения, понимаемого в разные периоды в весьма широких пределах. В Индии уже в период упанишад, завершивших канон древних священных ведийских текстов, и сам человек, и его жизнь стали рассматриваться как последовательный и непрерывный цикл жертвоприношений, который завершался смертью и сожжением на погребальном костре. Это было его самым последним жертвоприношением: человек приносил в жертву богу самого себя»⁵. К этому следует добавить одно уточнение: в истоках – не значит, на границе докультурной и культурной стадии антропогенеза. Жертва, так сказать, должна созреть вместе с культурой. Людьми должна быть осознана ее действительность, ее эффективность и магическая рациональность. М. Хоркхаймер и Т. Адорно приводят в этой связи важные выводы Эдуарда Вестермарка из его работы 1913 года: «Происхождение и развитие понятий морали»: «Обычай человеческого жертвоприношения ... является гораздо более распространенным среди варваров и полудивилизованных народов, чем среди настоящих дикарей, а на самых

низших ступенях культуры он вообще едва ли известен. Наблюдения показывают, что у многих народов с течением времени он становится все более и более распространенным, на островах Товарищества, в Полинезии, в Индии, у ацтеков. «Что же касается африканцев, утверждает Винвуд Рид, то 'чем могущественнее нация, тем значительнее жертва'»⁶. Следует все же сделать следующий шаг и признать наличие циклов положительной и негативной оценки жертвы. После наивысшего этапа осознания символической ценности жертвоприношения, с неизбежностью наступает эпоха девальвации и затем неизбежно — деградации ее, вплоть до полного забвения действительности и символической ее значимости. Наступает ли сегодня очередной цикл, цикл возрождения значимости жертвы — это вопрос вопросов.

Можно приводить много свидетельств важности жертвы в культурогенезе человечества. Тем не менее, первые попытки понять природу жертвоприношения предприняты довольно поздно. Первый, кто обратил внимание на ритуал жертвоприношения был Э. Б. Тайлор, который в работе «Первобытная культура»⁷, не задаваясь вопросом о причинах и механизмах жертвоприношения, фиксирует наличие многообразных форм жертвоприношений у разных народов в различных стадиях развития обществ. У. Робертсон Смит в своих «Лекциях о религии семитов»⁸ предложил трактовку тотемических пиров как сакральную трапезу — то есть, универсальную, присущую всем первобытным народам, форму жертвоприношения. Эти же идеи легли в основание первой статьи «Жертвоприно-

Загадочное отношение философии и политики. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. С. 60.

⁵ Альбедиль М. Ф. Зеркало традиций. СПб.: Азбука, 2003. С. 99.

⁶ Хоркхаймер М., Т. Адорно. Дialeктика просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Медиум; Ювента, 1997. С. 71. В конце этого же века, данная мысль подтверждается французским исследователем жертвенных обрядов Морисом Годелье, связывавшем «жертвенные обряды с народами более высокого уровня развития, чем охотники и собиратели» (См.: Зенкин С. Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. С. 469).

⁷ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.- 573 с.

⁸ Smith W. R. The Old Testament in the Jewish Church. London and Edinburgh, 1892.

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

шение», написанной им для Британской энциклопедии. Теория коммуникации сакрального и профанного миров была основой концепции жертвы К. Юбера и М. Мосса, полагавших, что жертва – есть способ сообщения с сакральным. По Э. Дюркгейму жертва служила мистико-социальному восстановлению единства, мобилизации ментальной и моральной энергий. Жертва была ядром, вокруг которого развивается интеллектуальная деятельность и вырабатывается практика культа (Э. Кассирер); периодической регенерацией сакрального мира и мира людей (Ж. Рудхардт); актуализацией необходимости постоянного контакта миров (А. Фестюжер); способом получения такого удовольствия, которое разрастается до расточительного пиршества, до бесполезного разрушения, как производство, как творчество посредством потери (Ж. Батай). Представляет интерес традиция связывать жертвоприношение с насилием, воплощение которой находим в работе французского философа, антрополога и литературоведа Р. Жирара «Насилие и сакральное». Опираясь на работу К. Юбера и М. Мосса (1899 г.), он пишет следующее: ритуальное жертвоприношение «указывает на святой характер жертвы. Преступно убивать жертву, потому что она священна ... но жертва не станет священной, если ее не убить. Именно здесь круг ...»⁹. Эту мысль разделяют и отечественные исследователи¹⁰. Но круг, отмечаемый Жираром, точнее, тот, в который попадает его мысль, когда он размышляет о жертве, не может быть завершен. Идея «вечного возвращения», круг циклов природы – нерешимое противоречие, норма архаического мышления. Для архаики словосочетание «убивать жертву» лишено смысла. Жертву нельзя убить в том смысле, в котором об этом здесь говорится. «Убийство» жертвы возможно лишь как забвение ее памяти. Об этом немецкая поговорка «Умер лишь тот, кто забыт». Если есть реальность насилия, то

нет жертвы, тем более святой жертвы, и наоборот. Как нельзя говорить о человеке, ритуально отрубавшем себе палец, что он *творит насилие*, также предосудительно говорить о насилии в архаическом обществе применительно к *отдельному своему члену*: его как такового в архаическом сообществе еще не было.

Битва за жертву

Вопреки устойчивому мнению, бытующему как в обществе, так и в предубеждениях теоретиков, отрицающих правомочность жертвы в наши дни (в философии, как мы помним, не принято говорить о жертве), нельзя не обратить внимание на феномен «битвы за жертву», ведущуюся различными странами, обществами, социальными группами, индивидами, что само по себе, пусть и косвенно, свидетельствует о неустраимости ее в культуре. Речь идет о целом ряде тенденций. Отметим первую и, пожалуй, наиважнейшую, – изменение роли жертвы. Если прежде «все, что человек предпринимал в рамках сообщества, прежде всего всякая его профессиональная практика, начиналась с молитвы и жертвоприношения»¹¹, т. е. не только для того чтобы выжить, но и для того чтобы существовать, действовать, работать он приносил жертвы. А что же сейчас? За принесение какой жертвы бьется современник? Хочет ли он быть первым в жертвоприношении? Жертвовать собой или самым для него дорогим? Жертвовать другим как собой? Или пойти до конца в акте жертвоприношения, пусть и в усеченном Просвещением виде: жертвовать ради искусства или науки? На все вопросы следует один ответ – нет. Сегодня битва за жертву ведется за *статус* жертвы, который приносит исключительные политические, моральные и материальные дивиденды. Иными словами битва за *статус* жертвы исключает желание *быть* жертвой, хотя бы в том «цивилизованном» виде, который фиксируют психологи и криминалисты в понятии виктимная личность, полагая главным ее отличи-

⁹ Girard R. La violence et le sacré. Paris, 1972. P. 13.

¹⁰ См., напр.: Топоров В. Н. О ритуале: Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / Отв. ред. Е. С. Новик. М., 1988. С. 38.

¹¹ Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. С. 117.

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

тельным качеством способность провоцировать и, тем самым, способствовать преступлению по отношению к ней, поэтому виктимная личность обладает высокой уязвимостью в отношении определенных видов насилия.

Итак, битва за *статус жертвы* – это битва за право *называться* жертвой. С особой силой она разгорелась после террористической атаки 11 сентября 2001 года, когда Джордж Буш, говоривший от лица США, утверждал, что США являются жертвами чудовищного террористического акта. Исламские же фундаменталисты утверждали противное. Именно страны, исповедующие ислам, являются жертвами насильственной глобализации, вестернизации, а по сути американизации, осуществляющейся посредством оружия массового обольщения: пропаганды идеалов общества потребления, ведущей к разрушению традиционного образа жизни. Поэтому их участие в битве за статус жертвы оправдывается стремлением получить моральное преимущество, которое дает статус «абсолютного внеюридического права жертвы бесконечного Зла. И наследуемо это абсолютное право защитником прав жертвы»¹². Абсолютная жертва – не есть плата за принесенные жертвы, она освящена непричастностью к злу, невиновностью. Но жажда надеть маску жертвы таит насилие. Вот как об этом пишет Берн Теренс: «Произошедший террор развязывает Западу руки, освобождает от пропагандистских тезисов, что современная буржуазная либерально-демократическая власть лучше, моральнее, чем любая другая власть: нападениями на башни-близнецы с лица западной цивилизации сорвана маска, за которой обнаружилась окончательно созревшая воля к продолжению жизни экономической политики и политики силы, которая решает в соответствии со своими интересами, кому жить, а кому умереть, кто враг, а кто друг. То, что обнаружилось, – это скорее трусливо-наслаждающееся лицо, которое уверяет: я – жерт-

ва. И эта жертва, блестяще обслуживаемая ненасытными до трагедий журналистами (которые действуют также в интересах господствующей идеологии), имеет теперь не только свое тело (историю делают победители); в этот раз у нее есть возможность переписать свою старую историю, даже вообще ее стереть. Победитель цивилизации, самый сильный, полностью довольный собой, который интегрировал в себя почти весь мир (как всегда brutally), получает теперь вследствие этих нападений возможность стать собственной противоположностью, чтобы действительно быть всем. Парадокс: чтобы быть действительно полным/тотальным (то есть овладеть миром), требуется неполнота. *Теперь победители будут разыгрывать из себя жертв и при этом все жертвы, принесенные прежними победами, будут преданы забвению, забудутся потому, что теперь можно поставить себя в тот же ряд*»¹³.

Возросшая неопределенность экономических, политических, экологических процессов современного мира определяет характер борьбы за статус жертвы. Ведь получивший его, сразу же переводится в разряд *пострадавших*, то есть претерпевших насилие, и поэтому ставших неподсудными и не достигаемыми для критики. Личность, группа, общество, получившие статус жертвы освящаются в том смысле, о котором писал М. Мосс: «жертва заряжена такой святостью, что профан – несмотря на предварительные посвящения, в определенной мере поднявшие его над обыденным и нормальным уровнем, – не может прикоснуться к ней без риска для себя»¹⁴. Ответ на этот весьма острый вопрос, кого ныне можно считать жертвой, в том числе и в связи с террористами-смертниками, надлежит искать в ее исторической роли; человек разумный возникал одновременно с жертвоприно-

¹² Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов. М., 2003. С. 55.

¹³ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль. СПб.: Изд-во РХГА, 2010. С. 123.

¹⁴ Мосс М. Социальные функции священного / пер. И. В. Утехина с уточнением пер. С. Н. Зенкина. СПб.: Евразия, 2000. С. 56.

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

шением¹⁵. Нет народа, в истоках истории которого отсутствовали бы кровавые жертвоприношения.

В эпоху христианства жертва приобретает новое качество – *сознательности* выбора, получая моральное преимущество своим бесстрашием и победой над ужасом мучительной смерти. Затем жертва стала важным понятием гуманизма: жертва настоящая без пользы для себя, самопожертвование ради высокой цели, истины, веры, народа.

Следующий вариант битвы за жертву можно обнаружить в том, как современные немецкие интеллектуалы и деятели культуры изменяют самоощущение виновности за принесенные жертвы во Второй мировой войне, на идентификацию себя с жертвами. Современная ситуация в немецкой культуре уже не определяется решением Нюрнбергского процесса, недвусмысленно указавшим, кто есть преступник, а кто жертва. По прошествии многих лет, свидетельствовавших о, казалось бы, однозначном ответе в вопросе о вине (Schuldfrage) за преступления нацизма, совершенные в годы войны, в последние годы последовательно и скрупулезно подсчитывая жертвы мирного населения от бомбардировок немецких городов союзниками по анти-гитлеровской коалиции, числа простых немцев, изгнанных со своих земель и вынужденных спешно покинуть свои дома, свой бизнес, могилы предков. Неустрашимый факт, что ни в чем не повинное население оказалось жертвой войны, было убито, изгнано, лишено крова, был возведен в основной мотив притязание на жертву.

Следует заметить, что привлекательность фигуры жертвы в Германии проявляется ярко, на фоне остро переживаемой проблемы идентичности. Поэтому немецкие исследователи все чаще затрагивают проблему конкретных жертв времен войны. Нынешняя же ситуация дает основание говорить о набирающей силу тенденции в место чувства вины встроить самоощущение жертвы. Теоретическими

предшественниками такого сдвига в самоощущении являются идеи мыслителей, полагавших, в духе современного немецкого мыслителя Ганса-Георга Деггау, что представление о «жертве как даре Богу, как воздаянии за свою жизнь и самую возможность ее, стало сегодня невразумительным и устаревшим»¹⁶. Какие же аргументы он приводит? В контексте сложной проблемы национальной памяти Деггау размышляет о смысле жертвы в современном немецком обществе. Он задается вопросом, почему понятие жертвы имеет сегодня такой высокий статус, и в каких обстоятельствах статус жертвы становится столь привлекательным? Но, говоря о современной жертве, «зачастую упускают из виду то, что, ни насильник, ни жертва не имеют онтологического статуса. Поскольку жертва легко может стать насильником, и наоборот. Это относится ко всем потенциальным жертвам и всем потенциальным насильникам»¹⁷. Юрист по образованию, Деггау, несомненно, прав, поскольку часто преступник и жертва – фигуры весьма условные; дело случая, что в пьяной драке один собутыльник убил другого, а не наоборот; жена, убившая мужа, нередко жертва чрезмерного насилия. Эта неопределенность и взаимообращение насильника и жертвы подрывают в глазах Деггау ее онтологический статус.

Им же развенчивается миф о бедной и незащищенной жертве. Странное, а при внимательном рассмотрении точное наблюдение выражено в заключениях Деггау: «В наше время статус жертвы требуют не только, как можно было бы предположить, бедные, но и богатые»¹⁸. Считая себя жертвой несправедливо высоких налогов, богатый морально оправдывает свое право незаконно «уходить» от них или требовать себе особые льготы.

Историческую параллель можно увидеть в последствиях осмысления «унизительного Вер-

¹⁵ Хотя именно отказ от разума, как пронзительно пишет об этом Ж. Батай, есть условие подлинности жертвоприношения: «Жертвоприношение — безумие, отречение от всякого знания» (Батай Ж. Внутренний опыт / пер. С. Л. Фокина. СПб.: Аxioma/Мефрил, 1997. С. 102).

¹⁶ Deggau H.-G. Das Opfer in der Modernen Gesellschaft // Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken. 2009. Heft 11. № 726. S. 1081.

¹⁷ Deggau H.-G. Das Opfer in der Modernen Gesellschaft. S. 1083.

¹⁸ Ebd. S. 1085.

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

сальского мира» будущей идеологией национал-социализма. Ей предшествовала литература (ставшая потом официальной для национал-социализма), выражающая жертвенное настроения масс, усиливавшееся чувством нехватки места: «Немецкий человек нуждается в пространстве вокруг себя, в солнце над головой и в свободе, чтобы стать добрым и прекрасным <...> Оглянись вокруг, посмотри перед собой и подумай о внуках и новорожденных! Царит рабская теснота, в которой свободные тела не могут больше расти и развиваться»¹⁹. Мысль о тесноте, сдавливающей Германию, проходит через весь роман Ганса Гримма «Человек без пространства». Отец главного героя с горечью говорит: «Ты гуляешь здесь в одиночестве и думаешь, как благословенна наша Родина. Только места в ней мало, мало места»²⁰. Чувствуя себя жертвой установившегося послевоенного несправедливого порядка, народ был готов к мысли, что забрать и колонизировать земли других народов, изгнав их жителей, – справедливо.

К этим примерам следует добавить недавно вышедшую книгу Тило Сарацина, в которой он, осознавая реальную возможность подвергнуться травле господствующими в обществе медиа, ставит диагноз, современному немецкому обществу, ставшему на путь самоликвидации, в том числе и не в последнюю очередь из-за исламизации Европы в целом и Германии в частности и проводит недвусмысленные параллели: «Восточно-Римская империя, напротив, стала жертвой растянувшегося на века процесса исламизации Востока и лишь на 1000 лет позже – с захватом Константинополя турками в 1453 г. – пришла к своему формальному концу»²¹.

В культуре всегда существуют контртенденции главному направлению мысли. Есть они и в Германии. Вышедшая относительно недавно книга У. Юрайт и К. Шнайдер «Ощущение жертвы.

Иллюзии преодоления прошлого»²², посвящена способам конструирования памяти, а также иллюзий, связанных с отождествлением себя с жертвой и, вследствие этой идентификации, надеждой на избавление от чувства вины. Во второй части книги авторы разбирают работу траура и скорби. На примере скандала 2006 года, разгоревшегося вокруг писателя Гюнтера Грасса²³, авторы показывают как немецкое общество отделяет себя от сообщества виновных, что по мнению авторов при-скорбно. Эту же мысль выражает немецкий историк, говоря, что общее настроение немцев в эпоху экономического чуда состояло в том, «что бывшие фольксгеноссен воспринимали себя не в роли соучастников и преступников, а в роли жертв <...> оно было связано со стремлением немцев облачиться в одежды жертвы»²⁴.

Еще один важный сюжет, касающийся феномена битвы за жертву лежит в сфере инвалидности. Массмедийная форма репрезентации коллективного тела, дающая чувство «мы» приводит к формированию сообщества, размеры которого увеличиваются, а отдельные его члены становятся все более анонимными. Феномен привлекательности имени жертвы в либерально-демократических массмедиа неожиданно приводит к объяснению целого веера актуальных социально-психологических и медицинских феноменов: роста психомоторных, самовнушенных «инвалидностей» (невозможность ходить, ощущение болей во всем теле (фиброми-

12

²² Jureit U., Schneider Ch. Gefühlte Opfer. Illusionen der Vergangenheitbewältigung. Stuttgart, Klett-Cotta, 2010.

²³ Журнал «Шпигель» опубликовал архивные документы, которые свидетельствовали о том, что будучи 17-летним, Грасс добровольно вступил в ряды «Ваффен-СС» – элитных войск Третьего Рейха. До вступления в СС Грасс состоял в «Гитлерюгенде», где получил, по его словам, «идеологически выдержанное воспитание в национал-социалистическом духе». В апреле 1945 года он в составе эсэсовской танковой дивизии участвовал в сражении с советскими войсками и получил ранение (см.: <http://www.vremya.ru/2006/147/5/158917.html> (дата обращения 01.12.17))

²⁴ Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Неприкосновенный запас. 2005, №2-3. С. 56.

¹⁹ Grimm H. Volk ohne Raum. Bd. I. München: Albert Langen, 1926. S. 11.

²⁰ Ebd. S. 98.

²¹ Сарацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2012. С. 17. С. 28.

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

альгия) — одни из распространенных). Когда в массмедиа столько разговоров, столько внимания, столько заботы об инвалидах, то образ инвалида с неизбежностью становится привлекательным, «формирует» тела, «подгоняя» их по фигуре легитимной жертвы, поскольку ее статус дает гарантированное существование, освобождает от страха потерять работу, избавляет от конкуренции, тревоги от неуплаты за жилье, выплаты кредитов. Общая тенденция роста настроений иждивенчества, инфантилизма и несамостоятельности концентрируется и воплощается, как идеальный случай, в инвалиде и, как следствие, число инвалидов растет.

Однако понятие жертвы в современности ведет не только к бессознательному самооправданию обмана, капитуляции перед проблемами жизни и бессознательной симуляции, но и выступает концептуальным основанием и моральным импульсом борьбы с обществом потребления. Те же, кто критикуют использование понятия жертвы только на том основании, что оно активно эксплуатировалось в риторике национал-социалистической пропаганды, оказываются неправы, поскольку «путают причину и следствие». Аргументация здесь такова: то, что жертва может стать политическим инструментом, не отрицает существа жертвы самой по себе. Такая критика выступает против того очевидного следствия, что жертва есть протест уникального коллективного тела-топоса, которое противопоставляется обществу унифицирующего потребления. Пафос и моральная ответственность жертвы вновь и вновь напоминают нам о солидарности форм жизни, которая говорит, что каждая отдельная жизнь получает смысл в свете общего. Почему же мы противимся называть террористов-самоубийц жертвами? Видимо потому, что они «дискредитируют те формы жизни, которые делают возможным жизнеутверждающую жертву»²⁵.

Возвращаясь к вопросу, почему все хотят быть жертвами или отстаивать, несмотря ни на что, свою к ней причастность, необходимо признать не

только юридические, материальные выгоды, но символическую ценность жертвы. Ибо на стороне жертвы — древняя история сочувствия, доносящая нам восприимчивость всего многообразия жизни и тесную связь истории освоения природы и способов уравновесить зло, ей причиненное. Она ограждала человека от безоглядности и самонадеянности, вела к равновесному, экологическому существованию и к самоощущению справедливости.

О ритуале жертвоприношения

Подлинность жертвы определяет ритуал и весомость причин, его проведения. Упомянув в медиа о многочисленных жертвах в наши дни и называя ту или иную смерть жертвой, мы неосмотрительно забываем о ритуале жертвоприношения. Ныне складывается парадоксальная ситуация, число жертв растет, а на ритуал жертвоприношения никто не указывает²⁶. Могут ли быть жертвы без ритуала жертвоприношения? Ведь именно причастность к ритуалу делает смерть жертвоприношением: жертвоприношение всегда больше смерти, оно избыточно как искусство, как поэзия, как миф, который «соединившись с ритуалом, поначалу обладал бессильной красотой поэзии, но дискурс о жертвоприношении соскользнул к вульгарному, заинтересованному толкованию»²⁷. Незаинтересованное всегда полнее заинтересованности, а единая целостность — расчлененной множественности. Поскольку и в заинтересованности, и в расчлененной множественности утрачивается праздничность, дающая чувство сопричастности и растворимости в «мы», условием чего является переживание вне-себя-находимости. Ритуал единения — всегда экстаичен — преодолевает разделенность людей. И чем

²⁶ Есть исключения, скорее подтверждающие правило, чем опровергающие его. Я имею ввиду редкие кровавые ритуалы сатанистов, тоталитарных сект, тайных древних орденов (которые, однако, в большей степени являются голливудским штампом, чем реальным событием).

²⁷ Батай Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение // Танатография эроса. Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994, С. 265.

²⁵ Deggau H.-G. Das Opfer in der Modernen Gesellschaft. S. 1086.

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

сильнее мы отстаиваем свою автономность, уникальность и обособленность, тем настоятельнее востребованы механизмы (ритуалы) восполнения целого. Предельное, ни с чем не сравнимое переживание единства, давал архаический ритуал жертвоприношения. Он же – прообраз любой формы будущего единения. Жертве всегда предшествует тревога, ритуалу сопутствует праздник, а принесенная жертва дарует покой и умиротворение.

Принято считать смерть триумфом единичного, ибо (так укоренилось в сознании) каждый умирает в одиночку. Но так ли это? Вспомним, перед смертью человек вспоминает всю свою жизнь (и это тоже из области предания), человек вспоминает всю жизнь, умирая *со всеми*. Смерть близкого человека оставляет пустоту, которая втягивает в центр образовавшейся пустоты близких людей, которые между собой непохожи до крайности. Втягиваясь в общее поле памяти об ушедшем люди теряют часть себя, становясь (пусть и на малое время) единым целым. И потому смерть ритуально празднична. Но чем сильнее праздничное чувство, тем сильнее потребность понять жертву, избегая «вульгарного толкования». Целое оказывается вытесненным. Вытесненные же наслаждения, обнаруживаются, например, под маской запретов, как те, например, что запрещают каннибализм, который относится сегодня к самым чудовищным преступлениям. Однако же, опираясь на этнографическую литературу начала XX века Хоркхаймер и Адорно делают следующий вывод: «человеческое жертвоприношение вряд ли удастся отличить от каннибализма. Численно возрастающему коллективу время от времени удавалось выжить только благодаря испытываемому от вкушения человеческой плоти наслаждению; вероятно, сладострастие многих этнических или социальных групп было каким-то образом связано с каннибализмом, о чем сегодня свидетельствует уже только испытываемое к вкусу человеческого мяса отвращение. Обычаи более поздней эпохи, такие, например, как обычай *ver sacrum*, когда во времена голода целое поколение молодых людей определенного года рождения по требованиям обряда понуждалось к эмиграции,

достаточно отчетливо сохраняют черты подобного рода варварской и просветленной рациональности»²⁸. Жертвоприношение как и его условие – ритуал никогда не уходит из жизни, но мимикрируя, они присутствуют в современности, одевая маску случая, статистически предсказуемого числа, анонимности.

В характеристике же сильнейших переживаний (и, скажем прямо, наслаждений) или предельно острых ощущений от пребывания на грани жизни и смерти, но лежащих в конвенциональной морально-юридической зоне легитимности, неизбежно присутствует феномен экстрима во всех его версиях: от экстремального спорта (от серфинга до сноубординга и от руфинга до бейсджампинга) до экстремальных же практик тела (подвешивание, шрамирование, видоизменение образа и т.д.). Эти практики стремительно множатся и упорядочиваются, обретая строгую логику ритуала.

Навязчивая констатация очевидного: возросшие темпы жизни, скорости проживания жизненных ситуаций, которые не успевают «настаиваться», отставив след в памяти и, наконец, растущая неопределенность будущего²⁹, говорят о непримиримых противоречиях жизни, решение которых требует отказаться от привычного положения вещей. И здесь – взаимное усиление, чем сильнее темп жизни, тем острее противоречия и чем неопределеннее ситуация, тем насущнее осознание нужды в противовесе, коим является *определенность*

14

²⁸ Хоркхаймер М., Т. Адорно. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Медиум; Ювента, 1997. С. 72.

²⁹ Приведу диагноз Нассима Талеба – американского публициста, экономиста и трейдера, который в принесшей ему широкую известность книге «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» (2007 г.) делает следующий вывод: «почти все события, которые имеют значительные последствия для рынков, глобальной политики и жизни людей, являются совершенно непредсказуемыми» (Тaleb Н. Патология нашего времени – потеря контакта с реальностью // Режим доступа: https://www.rbc.ru/interview/own_business/16/11/2017/5a0c361d9a7947003e4aff7c https://www.rbc.ru/interview/own_business/16/11/2017/5a0c361d9a7947003e4aff7c (Дата обращения 23.11.17)).

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

ритуала обретения себя здесь и сейчас, замедление – в пределе – остановка скорости существования, единения и солидарности. Высшей формой ритуала является жертвоприношение, постольку под маской безумного, абсурдного, рискованного поведения можно угадать профиль жертвоприношения. Настоящее положение дел, говорящее о неустрашимости жертвоприношения, стихийно находит себя в экстремальных практиках, сталкиваясь с устоявшимися представлениями и легитимацией неконвенционального на сегодняшний день поведения? Количество жертв, к примеру, ритуала «подрезания» лавины фрирайдерами или прохождения сверхсложного маршрута альпинистами не только не отпугивает новых экстремалов, но, напротив, добавляет аттрактивности и пополняет ряды новыми приверженцами. Такая стихийная практика обложения смертельного риска в ритуал неповиновения благоразумию и прагматизму, приводит к смене риторики, отказывая «статистическим» жертвам («статистикой смертности общество низводит жизнь до химического процесса», язвительно отметил Т. Адорно) и жертвам «несчастливого случая» выражать существо дела актуального жертвоприношения. Жертвовать собой – значит быть в целом мире, быть заодно с миром, в центре мира. Обращу внимание на существующую традицию посвящать свои экстремальные трюки (прыжки, восхождения, сплавы) недавно погибшим экстремалам, свидетельствуя о личной сопричастности сообществу экстремалов.

Горечь от непонимания природы жертвы появляется у нас тогда, когда мы представление о жертвоприношении редуцируем до одной из многочисленных его функций (напомню их: способ сообщения с сакральным, мистико-социальные установления единства сообщества, мобилизация ментальной и моральной энергии, регенерация связи сакрального и мирского, получение такого удовольствия, которое разрастается до расточительного пиршества, до бесполезного разрушения, функции медиа, установление равенства, расплата за содеянное и другие многочисленные функции жертвоприношения).

При этом стоит сделать важную оговорку, у жертвы конкретной эпохи всегда какая-то функция выходит на первый план. Не исключая и отрицая другие ее функции. Логика поиска актуального ритуала жертвоприношения ведет от случайности к закономерности, от бессознательной к сознательной его форме, от нерелексивной формы к релексивной. Жертва – исток подлинной (в религиозном дискурсе – праведной) жизни, отказ же от жертвы рождает монстров. Назидательный пример дает нам миф о Пасифии – дочери Гелиоса и супруге критского царя Миноса. Как повествует миф, Минос отказался исполнить обещанное Посейдону жертвоприношение прекраснейшего быка. Посейдон, обидевшись на Миноса, внушил Пасифии противоестественное влечение к быку. В результате этой связи родилось чудовище с головой быка – Минотавр, которого царь Минос заключил в лабиринт. Кроме того, что этот миф свидетельствовал о почитании быка в качестве тотема у народов Средиземноморья, он повествует о неизбежности расплаты за неисполнение ритуала жертвоприношения.

Мощь искупительной жертвы растет вместе с осознанностью возрастающей мощи технического воздействия и преобразования природного окружения. Технически усложняющаяся поступь освоения мира вызывает к жизни свое alter ego, персонажа не поддающегося разумному контролю, но обслуживающего человека технического. Рост числа жертв во имя прогресса идет вместе с прогрессом, оправдывая его железную логику. Вся линейка жертв цивилизации от жертв техногенных катастроф, до жертв ДТП, говорит о прогрессе не менее убедительно, чем его зримые результаты.

Готовность принять изнуряющую монотонность труда или пугающее неопределенностью будущее, свидетельствуют жертвы, уравнивающие абсурд технологического прогресса, победоносного шествия идеалов консюмеризма, глобализации и демократии. Жертвой «благами цивилизации» может послужить вызов провозвестников

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

медленной жизни³⁰, дауншифтинга, экологических поселений, религиозных и псевдо-религиозных коммун и иных маргинальных субкультур. Но обе жертвы требуют не боги, но люди: «Все жертвоприношения, планомерно осуществляемые человеком, обманывают того бога, которому они посвящены»³¹. Тем видимо, что принуждают бога принять жертву, дабы по логике дара, с необходимостью получить желаемое. Принуждение использует технику жертвоприношения, являющуюся сердцевиной ритуала. Техника ритуала – обман природы коллективного тела человека, в том числе наркотическими веществами и экстатическими танцами, делающими нечувствительными к боли и преодолевающими инстинкт самосохранения у жертвы.

Но человек обманывает бога в той же мере, в какой не верит себе и в той же степени, в какой нуждается в инстанции, берущей на себя ответственность за принятое решение. Вначале своей культурной истории человек не нуждался в жертвоприношении, поскольку не воспринимал внешнее, природу, как нечто от себя отличное. За нанесение ущерба природе, то есть себе самому, расплаты и закон симметрии ран архаического космоса не действовал, поскольку все было одно. Умыть руки и быть правым.

Темная сторона жертвоприношения – удовольствие, причиняемое собственной природе, в данном случае природе собственного тела, той природе, которая доступна человеку, над которой он имеет власть. В первую очередь доисторический человек жертвой естественности приручил свое тело, дав ему вместо когтей и лап руки, кисти, пальцы. Со временем он уже не мог существовать без них. Следующий шаг – приручение животных,

встраивая между животным и дикой природой культурное усилие, облегчающее ему жизнь. Благодаря этому животное стало называться культурным, а только культурным животным можно жертвовать. Жертвовать диким животным, как и дикими плодами природы невозможно.

Осмысленность жертвы

Изначально жертва была коллективной, вернее коллектива, жертва рода, который не разделяет своих членов на отдельные индивидуумы, ибо жертва, отвечающая своему понятию, может быть лишь там, где реально существуют «мы», где нет разрыва на «я» и «не-я», где тело рода вписано в тело сородича, и каждый сородич олицетворяет род. Затем в эпоху христианства появилась индивидуальная жертва, жертва подражающая Христу. Что сейчас? О какой форме мы можем говорить сегодня? И если их несколько, то какая преобладает? Ответ на эти вопросы требует дальнейшего и глубокого исследования. В качестве гипотезы можно предложить следующее: статистическая жертва – не индивидуальная и не свободная, а жертва экстремала, например, альпиниста или фрирайдера – индивидуальная и свободная.

В изысканиях форм свободной и индивидуальной жертвы вызывает интерес исследование экстремального спорта и феномена экстремального поведения в документальном фильме режиссера Антона Калюжного "Выход" (2017), в котором автор рассказывает о молодых людях, обретающих смысл жизни в преодолении смертельного риска, в сверхнапряжении и радости удачно сделанных прыжков. И хотя в бейсджампинге – виде экстремального спорта – очень высока статистика смертности (погибает каждый 60-й спортсмен) и травматизма, экстремалы продолжают прыгать и рисковать собой, ибо каждый следующий прыжок или трюк может стать последним в жизни. Но именно это как раз и притягивает новых экстремалов, добавляя непреодолимого желания. Экстремальные виды спорта являются для определенной категории людей способом реализовать потребности в силе-

³⁰ В которых заявляют о себе «медленное телевидение», «медленные новости», «медленный журнализм», «медленная фотография», «медленное чтение», «медленная наука», «медленная коммуникация» (См.: Николаева Ж. В. Slow life. Философия созерцания // Визуальная экология: формирование дисциплины / Под ред. В. В. Савчука. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 82–95).

³¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Медиум; Ювента, 1997. С. 70.

Валерий Владимирович САВЧУК / Valeriy SAVCHUK

| Жертва настоящего времени / The Victim of the Present Time |

ных и острых переживаниях, вызванных реальной опасностью, избавляя их от рутины повседневной жизни, лишённой опасности, на фоне возрастания психологической нагрузки и избыточности информации. Но ещё важнее получить опыт переживания уникального, связанного с размыканием привычных состояний и обретением непосредственного переживания сакрального или, иными словами, опыт встречи в трансцендентном. Это помогает по-новому посмотреть на привычный уклад жизни и принять ее.

Путь к пониманию современной жертвы пролегает, с одной стороны, через преодоление разобщённости, а с другой – признание важности символической жертвы в наши дни. Понимание требует отказа от трактовки бессмысленности смерти от несчастного случая (демонстрирующего слепую жестокость по отношению к отдельной личности – участнику автодорожного сообщения) и причисление их к разряду жертв, приносимой божествам скорости комфорта. Рассудочность является одной из главных преград постижения *символического* содержания жертвы. Можно предположить, что мера исчислимой выгоды идет рука об руку с исчислимым количеством жертв на сто тысяч тонн угля, урана, алмазов, добываемых в шахтах мира. На это обратил внимание Эрнст Юнгер, цитируя слова Бисмарка, который в дискуссии о смертной казни сделал замечание о том, что нам же не приходит в голову прекратить горное дело, хотя число жертв, которое оно вызывает, можно заранее статистически предсказать.

В культуре модерна лишь наука и искусство требовали сознательных жертв. Жертвы же

техническому прогрессу вытесняясь, определялись естественными и необходимыми условиями последнего. Сегодня самым ближайшим и столь же вытесняемым божеством, которому ритуально приносятся жертвы, является комфорт жизни, легкость коммуникации и доступа к информации и развлечениям, что порождает ощущение избытка и чрезмерности. Но любой избыток вызывает к жизни противоположный полюс: избыток хаоса рождает порядок, а избыток порядка и комфорта – потребность в риске, неопределённости и хаосе. Перевод из нерелексивного в релексивный, из безответственного в ответственное положение вещей – путь актуализации концепта жертвы. В ее модусе мы можем прочесть негативные проявления установок комфортной жизни. Избыток комфорта – это рай и ад одновременно³². Причинами ритуала жертвоприношения в наши дни являются две взаимоисключающие тенденции. Первая, указывает на возрастающую неопределённость и хаотизацию жизни, ее институтов и границ смыслополаганий. Хаос же, которому вверяет себя человек, отказываясь от разумности, является ничем иным как жертвой порядка. Вторая причина – протест против пространственно-временных топосов, против избытка порядка, комфорта и гарантированной безопасности. И первая, и вторая тенденция пресекаются и завершают свое разворачивание актом жертвоприношения, хотя мы и не готовы сегодня признать это. Жертва настоящего времени – это жертва во имя настоящего времени, то есть опыта трансцендентного, подлинного отказа от себя, из временного потока пребывания выведенного, экзистенциального.

17

³² Обращу внимание на точную, хотя и довольно прямолинейную иллюстрацию того, как тотальное благополучие и всезаполняющий комфорт жизни ведут к стиранию границ между раем и адом в фильме-притче «Неуместный человек» (The Bothersome Man) 2006 г., норвежского режиссёра Йенса Лиена (Jens Lien). Здесь комфорт и гарантированный стандарт потребления обесценивают сами себя, превращаясь в ужас неизбежного повторения и утрату подлинных удовольствий.

